

Л.А. КЛИМОВА
(Волгоград)

ТОПОНИМЫ РОССИИ И ГЕРМАНИИ В НАЗВАНИЯХ ЖИВОПИСНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Артионимы как своеобразный фундамент культуроведческой информации языкового сообщества часто имеют в своем составе в качестве компонента определенный топоним. Популярность того или иного топонима в качестве компонента артионимической конструкции позволяет говорить о значимости определенного географического объекта для культурного фонда. Топонимы содержат ценную этнолингвистическую и историческую информацию.

Ключевые слова: артионим, артионимическая конструкция, топоним, микротопоним, топонимический компонент, лингвокультура, гидроним.

Артионимы, составляющие главный фонд культуроведческой информации языкового сообщества, часто имеют в своем составе в качестве компонента определенный топоним. Артионимы – это «вид идеонима, название произведения искусства (живописи, графики, пластики, музыки, кино, театра)» [7, с. 137]. Популярность того или иного топонима в качестве компонента артионимической конструкции позволяет говорить о важности и значительности определенного географического объекта для культурного фонда всего языкового сообщества. Данное исследование направлено на выявление основных видов топонимического ономастикона, содержащихся в немецком и русском артионимиконах (на примере живописных произведений).

Наиболее древний слой любой топонимической системы образуют гидронимы, «в первую очередь названия крупных рек, а в их ряду древнейшие односложные и двусложные гидронимы, восходящие к праязыковому состоянию» [3, с. 566]. Около рек и озер основывались первые поселения задолго до построения городов, поэтому гидронимы являются наиболее архаичной топонимической лексикой. Названия рек – самый консервативный элемент топонимии любой территории, причем самые крупные реки имеют наиболее древние названия.

Немецкие гидронимы, входящие в состав артионимической конструкции в качестве компонента, можно представить сле-

дующими примерами: “Abend an der Ostsee (Вечер на Балтийском море)”, “Das Eismeer (Северный Ледовитый океан)”, “Das Eismeer (Die verunglückte Hoffnung) (Северный Ледовитый океан (Крушение надежды))” К. Д. Фридриха, “Die Elbe bei Blasewitz oberhalb Dresdens am Morgen (Эльба рядом с Блазевитцем выше Дрездена утром)” А. Граффа (Эльба – одна из самых крупных рек Германии и Чехии, впадающая в Северное море).

Русские артионимы, имеющие в своем составе русский гидроним, интересны для исследования и разнообразны. Очень популярен гидроним *Волга*. Волга является самой крупной рекой в Европе и одной из самых больших на Земле. Для русской лингвокультуры значение этой реки трудно переоценить, его можно рассматривать как концепт, формирующий, образующий русскую ментальность. Огромное число мифов, сказаний, верований складывалось вокруг этой реки, определяя основной фон русского культурного ландшафта. Реки и вода вообще всегда являлись фундаментальными архетипами, влияющими на формирование картины мира, мировоззрения народа. Волгу можно рассматривать как некоторую топонимическую матрицу, порождающую множество лингвистических и культурологических образований: поговорки, любимые песни, живописные полотна [1, с. 1].

Примеры артионимов с гидронимом *Волга* в составе можно привести следующие: Г. Чернецов «Волга», Н. Чернецов «Вид на Волге», А. Саврасов «К концу лета на Волге», «Разлив Волги под Ярославлем», И. Репин «Бурлаки на Волге».

Русские артионимы также содержат гидронимы «Днепр»: В. Орловский «Днепр», А. Куинджи «Лунная ночь на Днепре», «Днепр утром»; «Нева»; А. Боголюбов «Устье Невы», «Катание на Неве», А. Бегтров «Набережная Невы» и др.

В составе артионимических конструкций можно наблюдать как макро-, так и микрогидронимы, принадлежащие к русской лингвокультуре: П. Заболотский «Вид Старой Ладоги», М. Клодт «Берег Финского залива», В. Поленов «Речка Свинка, близ Алексино», А. Мартынов «Вид реки Селенги в Сибири», П. Верещагин «Река Кын».

В русских артионимах возможны также гидронимы, относящиеся к географическим названиям других лингвокультур: М. Воробьев «Босфор», Г. Чернецов «Мерт-

вое море», И. Айвазовский «Неаполитанский залив в лунную ночь», «Неаполитанский залив», «Венецианская Лагуна. Вид на остров Сан-Джорджо», М. Клодт «Долина реки Аа в Лифляндии», В. Поленов «На Тивериадском (Генисаретском) озере». Использование именно этих гидронимов в составе артионимов русской лингвокультуры позволяет судить о востребованности и актуальности иной лингвокультуры для носителей русского языка.

В составе немецких артионимов можно наблюдать также ойконимы – «собственное имя любого поселения» [4, с. 93]. Названия немецких (австрийских) городов, входящие в состав немецких артионимов, представлены следующими примерами: А. Дюрер «Инсбрук с севера (Innsbruck von Norden)», «Нюрнберг с запада (Nürnberg von Westen)», К. Д. Фридрих «Исследования архитектуры Нойбранденбурга (Architekturstudien von Neubrandenburg)», В. Кандинский (русский художник, являвшийся одно время членом немецкого художественного общества «Blauer Reiter»), «Мурнау (Murnau)», «Церковь в Мурнау (Kirche in Murnau)», Ф. Марк «Тироль (Tirol)», Х.Г. Шютц Старший «Вид на Франкфурт (Blick auf Frankfurt)», И.А. Тиле «Вид с высот Леснитца на Дрезден (Blick von den Lössnitzhöhen auf Dresden)», В. Шлеухцер «Старое Южное кладбище в Мюнхене (Der alte Südfriedhof in München)». Важность и значение определенных немецких или австрийских городов для немецкоязычной лингвокультуры можно определить по присутствию ойконимов в артионимических конструкциях: Нюрнберг – старейший город, расположенный на юго-востоке Германии; Инсбрук, сегодня австрийский город, располагался на важном пути из Южной Германии в Италию через перевал Бреннер; Мурнау – небольшой германский город, расположенный на территории Баварии; Тироль – историческая область в Центральной Европе, сегодня составляющая федеральную землю Австрии; Мюнхен – административный центр Баварии; Дрезден – административный центр Саксонии – все это названия городов, очень значимых для истории Германии.

Ойконимы, называющие русские города, в составе русских артионимов также могут свидетельствовать о прецедентности и актуальности определенных городов в русскоязычной лингвокультуре. Роль городов Москвы, Петербурга, Киева очень важна для русской истории. Их можно определить как ядро всей русской топонимической системы и отнести к макротопонимам. Присутствие этих ойконимов

в составе артионимов подтверждает их фундаментальное значение: И. Акимов «Великий князь Святослав, целующий мать и детей своих по возвращении с Дуная в Киев», А. Иванов «Подвиг молодого киевлянина при осаде Киева печенегами в 968 году», Василий В. Верещагин «В покоренной Москве», А. Боголюбов «Петербург при заходе солнца», А. Саврасов «Вид на Москву от Мазилова», И. Шишкин «Вид в окрестностях Петербурга», «Полдень. В окрестностях Москвы».

Ойконим *Киев* впервые упоминается в летописи 860 г. и, по мнению О.Н. Трубочева, образован от славянского антропонима *Кий* [8, с. 40]. «Название Москва установилось лишь в 14 в. и используется до сих пор» [5, с. 276]. Происхождение ойконима связывается с гидронимом *Москва*, этимология которого уходит своими корнями в балтийские формы. Город Санкт-Петербург был основан 16 мая 1703 г. Петр Первый заложил крепость под названием Санктпитебург в честь святого Петра, которого считал своим небесным покровителем.

В артионимах также можно выделить ойконимы, называющие города, уступающие по своему значению признанным столицам российской державы, но, тем не менее, достаточно важные для русской национальной картины мира: С. Щедрин «Вид в окрестностях Старой Руссы», Ф. Алексеев «Вид города Николаева», Н. Чернецов «Вид Нижнего Новгорода», «Вид города Ярославля», И. Иванов «Крым. Алупка», И. Айвазовский «Вид Одессы в лунную ночь», «Большой рейд в Кронштадте», В. Каменев «Вид окрестностей города Гатчины», П. Верещагин «Рынок в Нижнем Новгороде», «Псков».

Среди русских ойконимов наблюдаются микропонимы, т.е. названия географических объектов, уступающих остальным по масштабу и сфере употребления: Н. Маковский «Вид церкви села Дьяково в Коломенском, близ Москвы», Е. Дюккер «Дубовый лес в окрестностях Ревеля», А. Бегтров «Берег в окрестностях Гапсаля», Л. Каменев «Вид из окрестностей села Поречье», «Саввино-Сторожевский монастырь под Звенигородом», А. Саврасов «Вид в окрестностях Ораниенбаума», И. Шишкин «Болото. Полесье», «Заросший пруд у опушки леса. Сиверская», «Парк в Павловске», «В лесу графини Мордвиновой. Петергоф», А. Куинджи «Чумацкий тракт в Мариуполе», Н. Ге «Петр I допрашивает царевича Алексея в Петергофе», В. Суриков «Меньшиков в Березове».

Для русских артионимов характерен топонимический компонент, называющий иностранный город. Предпочтения в изображении городов русскими художниками тоже можно рассматривать как своеобразный маркер значения иной лингвокультуры для русского менталитета: М. Воробьев «Вид Иерусалима», И. Айвазовский «Вид Константинополя при лунном освещении», Н. Маковский «Каир», А. Боголюбов «Зима в Париже», «Венеция», М. Клодт «Вид в Нормандии (Летний день)».

Немецкие и русские живописцы схожи в своем желании запечатлеть красоту живописной Италии. Эта страна – родина великого искусства, проявившегося в архитектурных, живописных, музыкальных творениях, будила фантазию художников, которые стремились туда приехать для того, чтобы писать картины и учиться.

Достопримечательности Рима, его площади и улицы служили источником вдохновения для поэтов и художников всего мира. «Есть особое чувство Рима. Оно с трудом поддается определению, потому что складывается из повседневных и часто мимолетных впечатлений жизни в Риме. Оно растет здесь с каждым новым утром, с каждым новым шагом, пройденным по римским улицам или окрестностям. Путешественник вдыхает его вместе с божественным, легким и солнечным воздухом Рима» [2, с. 10]. Римские пейзажи отражены в картинах как немецких, так и русских живописцев: Я.Ф. Хакерт «Вид на собор Святого Петра в Риме (Blick auf St. Peter in Rom)», А. Кох «Монастырь Сан-Франческо на Сабинских горах в Риме (Das Kloster San Francesco im Sabinergebirge in Rom)», Ф. Матвеев «Вид Рима. Колизей», «Окрестности Рима», С. Щедрин «Старый Рим», М. Воробьев «Закат в Риме», И. Давыдов «Предместье Рима», А. Мясоедов «Карнавал в Риме».

Живописное расположение небольшого города Тиволи близ Рима также стало предметом изображения русских и немецких художников: К.Ф. Шинкель «Окрестности рядом с Тиволи (Gegend bei Tivoli)», Я.Ф. Хакерт «Большой водопад в Тиволи (Der grosse Wasserfall in Tivoli)», Ф. Матвеев «Вид в Тиволи близ Рима», «Водопад в Тиволи».

Ойконимы итальянской лингвокультуры прочно вошли в немецкий и русский артионимикон и заняли в них свои места, свидетельствующие о важности и значительности данной культуры для представителей исследуемых культур: А. Дюрер «Арко (Арко)», Я.Ф. Хакерт «Пейзаж с руинами храма на Си-

цилии (Landschaft mit Tempelruinen auf Sizilien)», К.Ф. Шинкель «Вид Палермо из монастыря капуцинов (Ansicht von Palermo, aus einem Kapuzinenkloster)», К. Брюллов «Последний день Помпеи», С. Щедрин «Вид Амальфи близ Неаполя», «Набережная в Неаполе», М. Скотти «На карнавале в Венеции», А. Мордвинов «Утро в Венеции».

Среди топонимов, являющихся составной частью артионимических конструкций, отмечаются также названия стран. Особенно актуален среди артионимов топоним «Египет», в данном случае тесно связанный с евангельской историей: А. Дюрер «Бегство в Египет (Flucht nach Ägypten)», М.И. Шмидт «Бегство в Египет», И. Г. Траутманн «Бегство в Египет», Ф.О. Рунге «Отдых во время бегства в Египет (Die Ruhe auf der Flucht nach Ägypten)», А. Егоров «Отдых на пути в Египет».

Названия стран и материков можно наблюдать в названиях как немецких, так и русских живописных полотен: Ф. Овербек «Италия и Германия (Italia und Germania)», С. Воробьев «Вид в Литве. Пейзаж с крестом», И. Айвазовский «Ледяные горы в Антарктиде», А. Куинджи «Вечер на Украине», В. Суриков «Покорение Сибири Ермаком».

Компонентом артионима является также урбаноним – название любого внутригородского топографического объекта: А. Дюрер «Гавань в Антверпене (Der Hafen von Antwerpen)», Ф. Кобел «Главный мост в Ашаффенбурге (Mainbrücke in Aschaffenburg)», К. Шпицвег «Еврейский переулок в Амстердаме (Judengasse in Amsterdam)», Ф. Алексеев «Вид на Московский Кремль со стороны Каменного моста», «Красная площадь в Москве», А. Боголюбов «Вид Смоленского монастыря с Большой Охты», А. Саврасов «Сухова башня».

Как часть артионимической конструкции можно рассматривать ороним (собственное имя любого элемента рельефа земной поверхности): А. Дюрер «Перевал в Альпах (Paßstraße in den Alpen)», К.Д. Фридрих «Меловые горы на Рюгене (Kreidefelsen auf Rügen)», «Вид с Меловых гор на Рюгене (Der Blick von den Kreidefelsen in Rügen)», Н. Чернецов «Вид у подножия Аю-Дага», А. Гине «Ай-Петри», И. Занковский «Дарьяльское ущелье», А. Куинджи «Эльбрус».

К топонимической лексике относятся дримонимы – имена собственные любого лесного участка, леса, бора, роши, части леса, долин. Дримонимы также представлены в артионимах немецкого и русского языков: К.Д. Фридрих

«Туман в долине реки Эльбы (Nebel im Elbtal)», К. Даль «Вид в долину реки Рейн (Blick ins Rheintal)», С. Щедрин «В Царскосельском парке», Г. Чернецов «Пушкин, Крылов, Жуковский и Гнедич в Летнем саду», И. Шишкин «Гевтбургский лес».

В русском артионимиконе особо выделяются топонимы, связанные с библейской евангельской историей, например, ороним «Голгофа» – название холма, который считается местом захоронения Адама и распятия Иисуса Христа: А. Егоров «Голгофа», В.П. Верещагин «Ночь на Голгофе», М. Боткин «Жены, издали смотрящие на Голгофу», Н. Ге «Голгофа». Дримоним «Гефсиманский сад» также имеет четкую связь с Евангелием и событиями Страстей Христовых. Русский артионимикон отмечен присутствием дримонима «Гефсиманский сад» в следующих примерах: Н. Ге «В Гефсиманском саду», «Выход Христа с учениками с Тайной вечери в Гефсиманский сад». В немецком артионимиконе наблюдаются ойконимы, также тесно связанные с евангельскими событиями: топонимы Кана и Еммаус – И.Г. Траутманн «Свадьба в Кане (Hochzeit zu Kana)», «Апостолы в Еммаусе (Die Jünger in Emmaus)».

Немецкие и русские артионимические конструкции в качестве компонента содержат также названия островов: К.Д. Фридрих «Меловые горы на Рюгене (Kreidefelsen auf Rügen)», «Вид с Меловых гор на Рюгене (Der Blick von den Kreidefelsen in Rügen)», П. Джогин «На Валааме», Л. Лагорио «Лафотенский остров», М. Клодт «Вид на острове Валааме», А. Саврасов «Лосиный остров в Сокольниках», И. Шишкин «Вид на острове Валааме (Местность Кукко)», А. Куинджи «На острове Валааме».

Вся палитра топонимической лексики отражена в артионимах. Анализ топонимической лексики позволяет выявить становление этнического мировоззрения, менталитета, определенные исторические вехи в развитии народа. Знание топонимов определяет общий уровень языковой личности, ее информированности об окружающем мире, степень сформированности фоновых знаний. Изучение топонимической лексики необходимо для понимания специфики и особенностей исторического развития определенного региона, его географических и этнических характеристик. Топонимы содержат ценную этнолингвистическую и историческую информацию. Формирование этнической общности проходит под влиянием географических имен, с которыми связаны эпохальные события истории народа.

Список литературы

1. Кусмидинова М.Х. Концепт Волги в историко-культурном развитии России: философский анализ : автореф. дис. ...канд. филол. наук. Астрахань, 2010.
 2. Муратов П. Образы Италии: в 3 т. Т. 2: Рим. Лацим. Неаполь и Сицилия. СПб.: Азбука-классика, 2009.
 3. Нерознак В.П. Топонимика // Русский язык: энцикл. / гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая рос. энцикл. : Дрофа, 1997.
 4. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М. : Наука, 1978.
 5. Пospelov Е.М. Географические названия России: топонимический словарь: М.: АСТ: Астрель, 2008.
 6. Русская живопись. Большая коллекция. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Белый город, 2008.
 7. Супрун В.И. Размышления над ономастической терминологией // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер. «Филологические науки». 2011. № 8. С. 133–138.
 8. Трубочев О.Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. 3-е изд., доп. М.: Наука, 2005.
 9. Der Blaue Reiter. Köln: DuMont Buchverlag, 2002.
 10. Geismeyer W. Caspar David Friedrich. Leipzig: VEB E.A. Seeman Verlag, 1990.
 11. Musper H. Th. Albrecht Dürer. Köln: DuMont Buchverlag, 2003.
 12. Schirmer L. Carl Spitzweg. Leipzig: VEB E.A. Seeman Verlag, 1991.
- * * *
1. Kusmidinova M.H. Konzept Volgi v istoriko-kul'turnom razvitiu Rossii: filosofskij analiz : avtoref. dis. ...kand. filol. nauk. Astrahan', 2010.
 2. Muratov P. Obrazy Italii: v 3 t. T.2: Rim. Lacim. Neapol' i Sicilija. SPb.: Azbuka-klassika, 2009.
 3. Neroznak V.P. Toponimika // Russkij jazyk: jencikl. / gl. red. Ju.N. Karaulov. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Bol'shaja ros. jencikl. : Drofa, 1997.
 4. Podol'skaja N.V. Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii. M. : Nauka, 1978.
 5. Pospelov E.M. Geograficheskie nazvanija Rossii: toponimicheskij slo-var': M.: AST: Astrel', 2008.
 6. Russkaja zhivopis'. Bol'shaja kollekcija. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Belyj gorod, 2008.
 7. Suprun V.I. Razmyshlenija nad onomasticheskoj terminologiej // Izvestija Volgogr. gos. ped. un-ta. Ser. «Filologicheskie nauki». 2011. № 8. S. 133–138.
 8. Trubachev O.N. V poiskah edinstva: vzgljad filologa na problemu istokov Rusi. 3-e izd., dop. M.: Nauka, 2005.
 9. Der Blaue Reiter. Köln: DuMont Buchverlag, 2002.
 10. Geismeyer W. Caspar David Friedrich. Leipzig: VEB E.A. Seeman Verlag, 1990.
 11. Musper H. Th. Albrecht Dürer. Köln: DuMont Buchverlag, 2003.
 12. Schirmer L. Carl Spitzweg. Leipzig: VEB E.A. Seeman Verlag, 1991.

Russian and German toponyms in the names of paintings

Artionyms as a special foundation of cultural information of a language society often include some particular toponym as a component. The popularity of this or that toponym as a component of artionymic construction makes it possible to note the significance of a particular geographical object for cultural resources. Toponyms contain valuable ethnolinguistic and historic information.

Key words: *artionym, artionymic construction, toponym, microtoponym, toponymic component, linguistic culture, hydronym.*

(Статья поступила в редакцию 22.10.2014)

М.Р. ЖЕЛТУХИНА, С.Н. БОРОДИНА
(Волгоград)

**СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ
РЕАЛИЗАЦИИ СЛУХОВ
В ИНОЯЗЫЧНЫХ СМИ
И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ИХ ВОЗДЕЙСТВИЯ**

Выявлены основные стратегии и тактики реализации слухов в СМИ, и рассматривается прагматический аспект их воздействия на адресата. Доказывается, что отсутствие требуемой информации заполняется недостоверными сообщениями путем реализации определённых стратегий и речевых тактик, ходов и языковых маркеров с целью внесения изменений в сознание адресата. Устанавливается, что прагматический аспект проявляется во влиянии на сознание и поведение людей, т. к. слухи изменяют общественное мнение, могут вызвать антиобщественное поведение определённой части населения, стать толчком для разрушения социальных связей между людьми и привести к массовым беспорядкам.

Ключевые слова: *слухи, воздействие, коммуникативные стратегии и тактики, массмедиа.*

В современном информационном мире медиакоммуникация систематически осуществляется посредством разных каналов связи (пресса, радио, кино, телевидение, аудио-

и видеозапись, Интернет и др.) среди многочисленных аудиторий с целью их информирования и оказания определенного рода воздействия на их идеологические, политические, культурные, религиозные, психологические взгляды и убеждения с целью изменения оценок, мнений и поведения людей [5]. Результаты различного рода исследований свидетельствуют о неудовлетворенной потребности людей в достоверной информации по значимым вопросам их жизнедеятельности. Возникающий в индивидуальном и общественном сознании дефицит информации восполняется недостоверными сообщениями, как неожиданно появляющимися в межличностной коммуникации, так и сознательно внушаемыми через СМИ [10]. На особом месте в современном информационном пространстве стоят слухи. Анализ научной литературы показал, что до сих пор нет четкого определения понятия «слух», поскольку ни одно из определений не учитывает полностью все его аспекты, поэтому под слухом мы понимаем «исходящее от одного или более лиц информационное сообщение о некоторых официально неподтвержденных событиях, передающееся устно в массе людей от одного лица к другому, а также устно или письменно через средства массовой коммуникации» [6]. Слухи рассматриваются сегодня скорее не как стихийное явление, а как технология влияния на общественное сознание в медиакоммуникации.

Будучи актом влияния на адресата, виртуозного управления им, манипуляция часто содержит пренебрежительный подтекст, поскольку подразумевает скрытое управление (или обработку) адресатом семантическими и прагматическими манипулятивными средствами. Активно создавая слухи и манипулируя ими, СМИ используют различные стратегии и тактики. Стратегия понимается как глобальное коммуникативное намерение, речевой механизм внесения изменений в сознание адресата, коррекции его модели мира [4; 8]. Конечная стратегическая задача решается поэтапно, путем использования языковых маркеров, речевых тактик и ходов. Тактика включает в себя совокупность конкретных действий, направленных на реализацию стратегии, ходом является конкретное действие, а языковыми маркерами становятся речевые приемы, способствующие установлению механизмов влияния адресанта на адресата [2; 4; 6; 7; 8 и др.].